
Вадим Бочков
Братство Творца:
Тьма Караксиса

Вадим Бочков

Братство Творца: Тьма Караксиса

«Автор»
2026

Бочков В.

Братство Творца: Тьма Караксиса / В. Бочков — «Автор», 2026

Братство Творца: Тьма Караксиса история, где свет сталкивается с тьмой в борьбе за свободу и справедливость. Величайшее Братство, объединённое идеей создания нового мира, вынуждено сразиться с ужасным тираном Караксисом, чьё имя внушает страх и разрушение. В сердцах героев вера, жертвы и непоколебимая решимость, но цена этой войны может оказаться выше, чем кто-либо мог представить. Тайны предательства, испытания дружбы и поиск смысла жизни всё это переплетается в эпическом путешествии, где каждый выбор определяет судьбу мира. Смогут ли они преодолеть тьму или обессилят на пути к свету? Откройте страницы и погрузитесь в захватывающий мир, где разгадка лежит в сердце братства.

© Бочков В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сумерки Восстания: Первый Сигнал 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Вадим Бочков
Братство Творца: Тьма Караксиса

Глава 1. Сумерки Восстания: Первый Сигнал

Промышленный район города пробуждался в тот час, когда между ночью и днём существовал лишь сероватый сумрак – время, в которое даже электрические огни казались усталыми и тусклыми. Старая фармацевтическая фабрика, возвышавшаяся над выцветшими соседними сооружениями, поглощала этот сумрак, превращая его в нечто более плотное, более давящее. Её стены, покрытые трещинами и следами времени, хранили запахи забытого производства – химии, которая когда-то текла по трубам и конвейерам, теперь высохшая и кристаллизовавшаяся в порах бетона.

Вега спускалась по железной лестнице, ведущей в операционный центр. Каждый шаг эхом отскакивал от металла, сливаясь с гулом серверных башен, расположенных где-то внизу. Её тактический костюм был спроектирован для маскировки в городской среде, но главным инструментом оставалось её собственное тело и сознание, доведённые до предела человеческих возможностей многолетними тренировками.

Воздух на лестнице пах ржавчиной и чем-то органическим – запах, который никогда полностью не исчезал из этого здания. Это была ольфакторная память о функции: здание помнило, что его строили для производства, для преобразования сырья в полезный продукт. Теперь оно служило совсем другому назначению, но его клетки, кирпичи и металлические конструкции хранили эту первоначальную цель.

В операционном центре горели фонари аварийного освещения, отбрасывая янтарные тени в каждый угол. Потолок, находившийся, казалось, в километре отсюда, исчезал в черноте. Под ним располагались серверные башни – мерцающие сооружения из стекла и металла. Они издавали постоянный гул, не раздражающий, а скорее гипнотический – ритм, под который можно было забыть о времени, о лице, о собственной личности, если не владеть техниками ментальной самозащиты.

Гром уже стоял перед голографическими дисплеями, и его силуэт казался вырезанным из самой тьмы. Он был неподвижен, что-то изучая в проекции, которую видел только он. Его серые глаза, когда они ловили отблеск света от экранов, выглядели так, словно он смотрел не на стену, а сквозь неё – в те измерения, которые открываются только сознанию, прошедшему долгий путь внутренней работы.

Фигура его была поджарой, угловатой – не физическая мощь, а совсем иная власть: тяжесть приказов и решений, которые, когда произносились, становились законом. В его осанке чувствовалось то бремя, которое носят только те, кто приучен нести ответственность за жизни других. И в этом бремени не было сомнения – только абсолютная ясность просветлённого ума, прошедшего через годы практик, которые стирают границы между интуицией и знанием.

Титан появился из вторичного входа, его массивная фигура требовала больше пространства, чем другим людям казалось нужно. Его телосложение было результатом не столько тренировок, сколько природного устройства – мышцы располагались слоями, как броня. Но Вега заметила то, что любая профессиональная разведчица заметила бы сразу: боковое движение левой стороны его тела было замедленным, чуть скованным. Старое ранение, которое он скрывал под маской уверенности.

Астра пришла из технического крыла, держа в руках металлический кейс. Её очки с подсветкой интерфейса всё ещё светились, отражая ряды данных. Её волосы, падающие на лоб

спутанными прядями, и тёмные круги под глазами говорили о том, что сон был отодвинут в сторону ради работы.

Лира пришла последней, и её появление немедленно изменило атмосферу в помещении – не потому, что она была более заметна или громче остальных, а потому что она несла с собой иной тип присутствия. Её движения были медлительными не из-за ленности, а из-за намеренной внимательности, воспитанной годами работы с человеческой психикой. Она несла портативное оборудование – наборы для диагностики, тактические аптечки, ампулы с фармацевтическими средствами, которые противодействовали последствиям воздействия Каракси́са. Её появление было незримым напоминанием о том, что в этом плане будут раненые, кровь, боль.

Гром развернулся лицом к ним, и его силуэт резко очертился на фоне голографических экранов. Свет рассеялся по его чертам лица, подчёркивая их угловатость, почти аскетическую худобу человека, который давно перестал обращать внимание на собственное физическое благополучие, сосредоточив всё сознание на одной цели.

«Мы начинаем», – произнёс он, и не было никакого предисловия, никакого ритуала приветствия. Просто: начинаем. Слово, которое не требовало обсуждения, потому что оно уже было решением, принятым на уровне, который находился выше обычных дискуссий.

Голографический дисплей мерцнул, и карта города материализовалась перед ними – клиническая точность изображения контрастировала с хаосом, который эта карта отображала. Вега видела предварительные версии этого анализа, но полный масштаб всегда вызывал физическую реакцию – что-то сжималось в груди при виде такого количества очагов угрозы, распределённых по территории, которую она считала домом.

«Двенадцать основных биофармацевтических предприятий распределены по всему мегаполису», – продолжал Гром, его голос был невозмутим, как голос того, кто описывает погоду. «Каждое содержит производственные линии для неврологических соединений. Не простые токсины. Сложная молекулярная архитектура, разработанная на протяжении поколений исследований».

Проекция трансформировалась, увеличивая отдельные объекты. Названия появлялись в воздухе: Объект Седьмой, Алый Узел, Первичный Центр. Каждый был помечен оценками безопасности, ёмкостью производства, плотностью персонала. На мониторе, отражённом в очках Астры, были видны дополнительные данные – строки кода, алгоритмы, вычислительные мощности, которые защищали эти объекты от внешних вмешательств.

«Соединения, – продолжил Гром, указывая жестом на новую проекцию, – снижают способность критического мышления примерно на восемнадцать процентов за одно воздействие. Подавляют аутентичность эмоциональных реакций через контролируемое угнетение дофаминергической системы. Создают профили психологической зависимости, объединяющей физическую аддикцию с поведенческим кондиционированием, которое напоминает индоктринацию в деструктивных культах».

Новая проекция показала каналы распределения – бесчисленные пути, по которым эти соединения входили в гражданское население. Энергетические напитки, выстроенные в ряды на полках магазинов. Витаминные комплексы, расфасованные в красивые баночки. Медицинские рецепты, выписанные врачами в государственных поликлиниках. Повседневные продукты, которые достигали миллионов людей через нормальную инфраструктуру потребительской торговли, через каналы, настолько встроенные в жизнь общества, что подозрение казалось паранойей.

«Текущие оценки предполагают, что сорок процентов столичного населения имеют измеримое присутствие соединения в кровотоке», – объявил Гром. «Этот процент ежедневно растёт на две целых три десятых процента с ускорением по экспоненциальной кривой. За восемнадцать месяцев будет достигнута критическая точка насыщения. После этого когнитивная независимость станет математически невозможной для основной массы населения».

Вега наблюдала, как остальные усваивали эту информацию. Челюсть Титана напряглась – висцеральная реакция на врага, определяемого не обычным оружием, а невидимым манипулированием, уничтожением не физического тела, а духовной сущности. Лира побледнела, её пальцы сжались в кулаки. Астра сохранила неподвижное выражение, но её пальцы предательски дёргались – мышечная память, тело пытающееся дотянуться до технических решений, за которыми не стояла воля.

«Цель Каракса, – произнёс Гром, делая паузу, – не завоевание силой оружия. Это завоевание через когнитивный захват. Полная психологическая интеграция. Популяция, которая не будет сопротивляться, потому что её способность к распознаванию угнетения будет химически удалена».

Последняя проекция показала лицо Каракса – составленное из материалов видеонаблюдения, справочников безопасности, разведывательных отчётов. Это была не фотография одного момента, а комплексный образ: множество углов, множество возрастов, визуальный эквивалент привидения, созданного из накопленных данных. Его черты были резкими, почти скульптурными, и даже в цифровом представлении глаза выглядели холодными и расчётливыми.

«Этот человек, – сказал Гром, касаясь проекции, – создал наиболее эффективную систему контроля из всех, когда-либо задуманных. Не тиранию через полицейское государство или военное правление, а тиранию через химию. Через намеренную деградацию человеческой способности к автономному мышлению. Через систематическое разрушение той части нашей психики, которая делает нас способными видеть несправедливость и отказываться ей подчиняться».

Он убрал руку от проекции.

«У нас есть восемнадцать недель, прежде чем точка насыщения станет необратимой».

Помещение наполнилось напряжением, плотным, почти осязаемым. Восемнадцать недель – это не абстрактный период времени, а конкретный отсчёт, дни и часы которого можно чувствовать, когда они проходят. Вега почувствовала, как её сердцебиение ускорилось, дыхание стало более поверхностным. Её тело уже понимало, что наступает что-то грандиозное, смертельное и необратимое.

Гром оторвал руку от проекции и повернулся лицом к Веге. Его взгляд был пронзительным, наполненным знанием всей её подготовки.

«Ты проводила разведку на Объекте Восьмом три недели назад», – сказал он. Это не был вопрос. Вега кивнула один раз, признавая назначение и его выполнение.

«Что ты наблюдала?»

Вега шагнула вперёд, направляясь к голографическому дисплею. Когда она говорила, её голос был под контролем, но что-то под этим контролем дрожало – едва заметный перелом в дисциплине, которую она поддерживала на протяжении лет.

«Системы безопасности за пределами стандартного военного применения. Предсказательное выявление угроз – не только реактивное, но прогнозное. Периметровое наблюдение по нескольким спектральным диапазонам: визуальное, тепловое, электромагнитное. Объект, кажется, знает, что ты приходишь, прежде чем ты прибудешь».

«Персонал?»

«Рабочие движутся с механической точностью. Глаза пустые, как у тех, кому вычистили сознание. Моторные реакции синхронизированы, но лишены автономной вариативности. Они функциональны, но что-то существенное было удалено. Это похоже на наблюдение за людьми, работающими на девяносто процентов ёмкости, в то время как оставшиеся десять процентов сознания, которые создают индивидуальную личность, принуждены к подавлению».

Вега сделала паузу. Память об Объекте Восьмом – рядах рабочих, движущихся как автоматы, их глазах, отражающих ничто – всплыла в её уме с кристаллической ясностью.

«Соединение уже работает, – заключила она. – Рабочие не порабощены. Они интегрированы. Они не хотят сопротивляться, потому что их способность к сопротивлению была химически удалена из их нейротрансмиттеров, из самой их биологии».

Гром впитал это без видимой реакции.

«И какова оборонительная позиция?»

«Летальная, – ответила Вега. – Охранники оснащены передовой боевой броней, нейроцелевыми системами, оружием, которое работает по нестандартным спектральным диапазонам. Но более тревожна архитектура самого объекта. Она спроектирована не как оборона – это спроектировано как устрашение. План расположения предполагает, что они ожидают сопротивления и выстроили зоны уничтожения для любого, кто попытается проникнуть».

Лира вмешалась в молчание: «И всё же ты вышла без тревоги».

«Я не вызвала оборонительную реакцию, – уточнила Вега. – Но это не потому, что объект был неподготовлен. Это потому, что я была лучше в избегании обнаружения, чем они в обнаружении. Это преимущество временно. Они адаптируются».

Гром кивнул медленно, впитывая информацию.

«Тогда мы ускоряем график», – произнёс он, и это заявление повисло в воздухе как физическое присутствие. Ускорить против Каракса означало более короткие периоды подготовки, более высокие профили риска, увеличенную вероятность потерь.

Астра продвинулась вперёд с металлическим кейсом. Она установила его на стол с преднамеренностью, которая предполагала, что содержимое было хрупким, опасным, или и тем и другим одновременно. Её презентация началась с клинической сухости.

«Нейро-дизрапторы, – сказала она, открывая кейс, чтобы раскрыть оружие, которое выглядело скорее как медицинские устройства, чем как инструменты войны. – Временное подавление электронного наблюдения по стандартным военным спектральным частотам. Эффективная дальность: двести метров. Длительность: примерно сорок минут перед требуемой перезарядкой».

Она извлекла следующий предмет: костюм адаптивного камуфляжа, сложенный компактно. «Способность к слиянию с окружающей средой. Анализ в реальном времени и адаптивная окраска. Костюм соответствует фоновым условиям в течение двух секунд после изменения окружающей среды».

Вега осмотрела костюм, чувствуя материал. Он был легче, чем ожидалось, почти органичный в своей текстуре. Астра всегда имела дар материальной науки – создания инструментов, которые работали на пересечении физиологии человека и технологической инновации.

Но именно следующий предмет привлёк коллективное внимание. Астра извлекла устройство не больше человеческой ладони – элегантное, кристаллическое. В его основе лежали не фантастические квантовые эффекты, а тщательно выверенная комбинация аудиогенераторов, способных создавать бинауральные ритмы, модулирующие состояние сознания.

«Частота, – объявила она. – Система психоакустической координации. Использует бинауральные ритмы и изоморфные звуковые структуры для синхронизации нейронной активности оперативников на расстоянии. Позволяет передавать базовые команды без использования радиоканалов, которые могут быть перехвачены. Эффективность зависит от предварительной настройки индивидуальных нейроритмов каждого члена группы».

Она сделала паузу.

«Защиты сложны. Но как и любые системы, работающие на границе человеческого восприятия, существуют переменные, которые я не могу предсказать. Ответ каждого оперативника на акустическую стимуляцию индивидуален. Так что Частота может давать сбой в условиях стресса по причинам, которые невозможно полностью исключить».

Титан наклонился вперёд. «Ты говоришь, что она может работать нестабильно?»

«Я говорю, – ответила Астра осторожно, – что психоакустические системы зависят от состояния воспринимающего сознания. Устройство будет работать, пока оперативники сохраняют необходимый уровень ментальной концентрации. Но в условиях боя концентрация может нарушиться».

«Интервал доверия на оперативный успех?» – спросил Гром.

«Восемьдесят семь процентов при условии, что все оперативники прошли полный курс нейро-акустической подготовки».

«Это достаточно», – решил Гром.

Астра аккуратно вернула Частоту в её кейс, её руки двигались с механической точностью.

Голос Лиры прорезал молчание, тихий, но невозмутимый: «Сколько?»

Гром обернулся к ней, понимая вопрос без необходимости в уточнении.

«Предварительные оценки предполагают, что соединения создали измеримую психологическую зависимость у сорока процентов столичного населения, – продолжила Лира, встав с места, её голос набирал силу. – Это примерно два миллиона людей на различных этапах нейроинтеграции. Каков прогноз потерь для операции, направленной на инфраструктуру распределения в таком масштабе?»

Гром был молчалив. Молчание тянулось.

«На основе предварительного моделирования, – нажала Лира, – нарушение сети распределения создаст симптомы отмены по всему затронутому населению. Какой-то процент этих отмен будет смертельным. Какой-то процент приведёт к постоянному психологическому повреждению».

Она говорила с весом того, кто обращался с травмированными, кто был свидетелем психологического разрушения в его наихудших формах.

«Я уже видела, что аддикция делает. И ты предлагаешь нам создать эту травму в масштабе всего мегаполиса».

Гром встретил её взгляд неподвижно. Когда он говорил, его голос не нёс защиты, только жёсткую ясность.

«Сострадание без стратегии – это паралич, – сказал он. – Люди, в настоящий момент принимающие соединения, будут страдать. Это страдание неизбежно. Единственной переменной является то, покупает ли их страдание освобождение или продлевает их рабство. Мы можем оплакивать потом, после того как мы выиграем. Мы можем признать цену после того, как мы её заплатим. Но мы не можем позволить себе, чтобы эмпатия парализовала нас в бездействии, пока миллионы систематически превращаются в нечто меньшее, чем человеческое».

Лира не ответила. Она просто вернулась на место, и молчание, которое последовало, несло новый вес.

Гром переместился к тактическим дисплеям.

«Вега, – произнёс он, его голос вновь вступая в режим приказов. – Ты проводишь первичное проникновение в центральный узел. Твоя цель: проникнуть в Архив Семь, получить доступ к схемам производства, извлечь основной массив данных о протоколах распределения. Это самый критический компонент операции».

Вега кивнула.

«Титан, ты возглавляешь поддерживающую группу. Твоя роль – гарантировать, что маршруты эвакуации остаются чистыми, и обеспечить прикрывающий огонь, если первичный выход станет скомпрометирован».

Титан принял назначение без комментариев.

«Астра, ты координируешь удалённо. Ты будешь управлять нейро-дизрапторами, направлять Вегу сквозь архитектуру безопасности объекта и поддерживать психоакустическую координацию. Твоя роль критична».

Астра кивнула.

«Лира, ты устанавливаешь медицинские протоколы для эвакуации раненых. Ты будешь работать из вторичного периметра с оборудованием для экстренной хирургии».

Лира приняла это назначение.

«Мы движемся через семьдесят два часа, – завершил Гром. – Используйте время для подготовки. Используйте его для того, чтобы принять то, что наступает».

Команда начала расходиться.

Вега двигалась к оружейному отсеку – огромному пространству, заполненному боевым снаряжением, системами наблюдения и инфраструктурой, необходимой для враждебных операций. Пространство было почти медитативным в своей функциональности: всё организовано, обозначено, доступно. Каждое оружие находилось в своём положении, каждая система была проверена и перепроверена.

Она расположила устройство Частоты, которое Астра подготовила специально для её проникновения. Оно было элегантным, точным, чудом инженерной мысли, основанным не на фантастических технологиях, а на глубоком понимании психоакустики и нейропластичности. Её пальцы прошли по его поверхности, и она активировала режим предварительной настройки.

Из динамиков едва слышно потянулся звук – бинауральные ритмы с частотой, подобранной специально под её индивидуальный нейроритм. Вега закрыла глаза, позволяя сознанию войти в состояние глубокой фокусировки, которое Астра называла «оперативным трансом». В этом состоянии скорость реакции увеличивалась, периферийное зрение обострялось, а восприятие времени сжималось, позволяя принимать решения с недоступной обычному человеку быстротой.

Она прошла этот курс подготовки двадцать три раза за последние пять лет. Каждый раз её сознание училось заходить в это состояние глубже, быстрее, с меньшими затратами энергии. Техника не была сверхъестественной – она использовала естественные механизмы нейропластичности, те же самые, которые позволяют музыканту играть сложнейшие пассажи, не задумываясь о каждом движении пальцев.

Через семь минут медитации её пульс стабилизировался на пятидесяти двух ударах в минуту. Дыхание замедлилось до четырёх циклов в минуту. Она достигла того состояния, которое в традициях древних практик называлось «самадхи», а в протоколах Братства Творца значилось как «Режим Абсолютной Включённости».

Вега открыла глаза и потянулась к боковой панели устройства. На дисплее высветилось меню резервных протоколов – тех самых, которые Гром утвердил лично после её последнего отчёта об Объекте Восьмом. Она пробежала взглядом по пунктам: «Непредвиденные обстоятельства. Вариант альфа: смена маршрута эвакуации при блокировке первичного выхода. Вариант бета: использование гипнотических триггеров для прохода через посты охраны. Вариант гамма: самоуничтожение данных при угрозе захвата».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.